

© 1994 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

**(По страницам журнала «Социологические исследования»
за 1974—1993 гг.)**

К моменту появления журнала «Социологические исследования» советская социология уже накопила опыт изучения некоторых явлений политической жизни, который стал предтечей идей политической социологии. К этому времени более или менее отчетливо сложились по меньшей мере три исследовательские программы социологического осмысления политики. Первая — «международная» — была представлена именами А.В. Дмитриева, Н.М. Кейзерова, В.А. Федосеева и др., труды которых посвящены анализу теоретических разработок североамериканской, английской, французской и отчасти западногерманской социологии. Эти публикации сыграли

крупную роль в ознакомлении с опытом работы западных ученых, помогли представить многообразие подходов к анализу политических процессов. Они выполнили чрезвычайно важную в те годы функцию просвещения, приобщения к богатству концепций и представлений, которыми были полны дискуссии политологов и социологов в 50—60-е годы во многих странах Западной Европы и Северной Америки [1].

Вторая школа — «уральская» — в своем острие была направлена на исследование внутренних проблем политической жизни, включенности людей в управление делами общества и т.п. Работы *Ю.Е. Волкова*, *В.Г. Мордковича* и отчасти *ЯМ. Когана* впервые в советской социологии предложили свое видение методологических основ и методик исследования общественной и общественно-политической активности различных групп населения, в основном занятого на промышленных предприятиях [2].

Следует также отметить многолетнюю работу *Е.А. Якубы* и ее учеников, которые с начала 60-х годов плодотворно исследовали на харьковских предприятиях и в вузах формы участия людей, особенно молодежи, в политических процессах, интенсивность и глубину интереса к этому виду деятельности [3].

Что касается отдельных публикаций в других научных центрах, то они или носили, скорее, общий политологический характер (например, работы *Г.А. Белова*, *А.К. Бельх*, *Ф.М. Бурлацкого*, *А.П. Галкина*, *Е.М. Чехарина*) [4], или были развитием подходов, которых придерживались представители уральской и харьковской школ [5].

Журнал с первых номеров включил в круг своих интересов проблемы политической жизни. Одной из наиболее популярных тем стало описание состояния и некоторых тенденций развития социально-политической активности. В статьях *Ю.Е. Волкова* и *Вил.Н. Иванова* речь шла об индикаторах этого вида деятельности [6]. Несмотря на условность этого понятия, отражавшего советскую специфику, шла обработка эмпирических показателей, по которым можно было бы судить о степени приобщенности людей к управлению общественными процессами. Так, Ю.Е. Волковым сущность социально-политической активности объяснялась как: а) участие в формировании представительных органов государственной власти, всех общественно-политических организаций и одновременно в коллективной выработке программ деятельности этих органов; б) контроль за деятельностью всех государственных и общественных органов и должностей (отчеты исполкомов и депутатов перед трудящимися, заслушивание отчетов своих руководителей, организация рабочих собраний и т.д.); в) участие членов массовых общественно-политических организаций в регулярной практической работе по выполнению намеченных мероприятий.

В.Н. Иванов, опираясь на анализ различных точек зрения (Н.С. Мансурова, Г.В. Осипова, В.В. Колбановского), предлагал рассматривать в качестве формы общественной активности на уровне трудовых коллективов и такие его конкретные институты, как постоянно действующие производственные совещания, рабочие собрания, научно-практические конференции и т.д.

Конечно, не может не обратить на себя внимание тот факт, что подходы к трактовке политического поведения в западной социологии: серьезно отличались от советской трактовки. Если в западной науке участие в политической жизни измерялось главным образом степенью приобщенности к таким акциям, как забастовки, демонстрации, участие в выборных кампаниях, отношения к религии и приобщенности к политическим клубам, то можно констатировать, что общим в подходе у советских и западных социологов было, пожалуй, лишь одно: анализ принадлежности к политическим партиям и, частично, приобщенности к политической информации. Последнее в нашей стране исследовалось весьма своеобразно — не только через средства массовой информации, но и через причастность к системе политического и экономического образования, агитационную и пропагандистскую работу КПСС (см. «Социс»: 1975. № 1; 1976. № № 3, 4; 1978. № 1; 1979. № 2 и т.д.).

Следует отметить, что за рубрикой «Социологические исследования в партийной

работе» скрывались как бы два их вида. Во-первых, исследования общих проблем социально-экономической и духовной жизни (социальные резервы труда, трудовые ресурсы, быт, семья, отдых и т.д.), используемые при подготовке решений по соответствующим вопросам. По своей сути, это были исследования проблем в рамках социологии труда, семьи, молодежи, представляющие определенную ценность и в этом качестве [7].

Во-вторых, часть этих исследований анализировала собственно партийную работу, механизм ее реализации, организационные и идеологические основы, пропагандистскую работу (*Г.Т. Журавлев* в № 1 за 1975 г.; *Н.Н. Бокарев* в № 3 за 1976 г.). Особенностью их было то, что не ставилась под сомнение деятельность партийных организаций КПСС. С принятием этого исходного тезиса делались попытки найти резервы для ее улучшения, не подвергая сомнению исходные принципы.

Оценивая данное направление социологии политической жизни добавим, что развитие этих исследований зависело от предрасположенности к ним партийных руководителей. Причем, в провинции она была более определенной и более искренней. Позиция же Московского и Ленинградского горкомов и обкомов КПСС была более чем двусмысленна: с одной стороны, признавались роль и значение социологии в жизни партийных организаций, с другой — социологи карались за любую информацию (особенно критическую) о реальной ситуации в столицах. Именно в начале 70-х годов были приняты достаточно жесткие меры Московским горкомом и Ленинградским обкомом КПСС по приведению «в соответствие» позиций социологов с «передовой ролью» этих партийных комитетов. Результатом стала потеря ими позиций, завоеванных в 60-е годы. Московские же социологи после нескольких «уроков» предпочли не испытывать судьбу и сосредоточили свои усилия на периферии.

Помимо Москвы и Ленинграда фактически были разгромлены группы социологов в Узбекистане и Казахстане. Осложнилась их жизнь в Белоруссии, во многих районах России. Деятельность социологов в республиках и в ряде регионов практически возобновилась 10—15 лет спустя — в конце 80-х. Вот один характерный пример. Уже в первом номере была помещена статья *Б. Архипова* по социологическим исследованиям в Костромской области. Однако с уходом Архипова с руководящего поста данная область надолго отошла от социологических исследований, а немногочисленные попытки продолжать исследования бюджетов времени, свободного времени, трудовых ресурсов прекратились.

Эта зависимость социологии от «понимающего» или «отвергающего» секретаря по идеологии была практически повсеместной и ставила ее судьбу в зависимость от капризов конкретного «властного» человека. Но, несмотря на все издержки этого типа исследований, в публикациях по проблемам партийной работы (*В.Г. Байкова, Г.С. Батыгин, Н.Н. Бокарев, В.П. Васильев, Ф.Ф. Дашдомиров, Д.М. Гилязитдинов, Г.Г. Силласте, А.Г. Харчев*) или комсомольской жизни (*Н.М. Блинов, В.И. Мухачев, Б.К. Лисин, Ю.П. Ожегов, Ф.И. Шереги*) так или иначе отражались стремления, предпочтения и потребности молодежи, их стиль и образ жизни. При всей понятной для того времени апологетике во многих исследованиях содержалась нелицеприятная и необычная по тем временам критика деятельности многих политических институтов, показывались ограниченность и слабость их деятельности, неадекватность их действий тем проблемам, которые на самом деле заботили население: заданность многих публикаций не должна заслонять фактов добросовестного анализа ряда общественных реалий. Однако, как это ни прискорбно отмечать, в целом публикации соответствовали известному анекдоту о том, что в своей работе социологи «колебались совместно с линией партии».

Итак, оценивая ситуацию в эти годы, можно сказать, что прикладная сторона социологических исследований политической жизни развивалась в основном в нескольких республиках, краях и областях, где находились энтузиасты, способные осуществлять свои замыслы и сумевшие добиться поддержки со стороны своих партийных

наставников. Именно в 60-е и особенно в 70-е годы окрепли школы социологов во главе с Л.Н. Коганом (Свердловск), А.И. Сухаревым (Саранск), А.Н. Аитовым (Уфа), О.А. Олесневичем (Львов), З.И. Файнбургом (Пермь), В.П. Давидюком (Минск). Серьезное развитие получила социология вообще и ее политические аспекты, в частности, в городах Сибири, особенно в Новосибирске, Красноярске и Иркутске.

* * *

К концу 70-х — началу 80-х годов начала созревать мысль, что необходимо не просто исследовать отдельные проблемы политической жизни, а охватить их некоей обобщающей парадигмой, объединяющей самые разнообразные вопросы политики и подчиняющей многоаспектность исследуемых явлений единой идее. К этому времени в исследованиях *ВТ. Афанасьева, В.Н. Кудрявцева, ДА. Керимова, ЮЛ. Тихомирова, Г.С. Старушенко и др.* были проанализированы различные аспекты власти, права, властных отношений [8]. К проблеме власти обратился и журнал. В 1980 г. в № 2 появилась статья *В.С. Шевцова* «К вопросу о понятии "политическая власть" в условиях социализма». Исходя из новых реалий, складывающихся в системе властных отношений, их проблемного и спорного развития, здесь была сделана теоретическая попытка осмыслить сущность властных отношений, высказать ряд предложений и выводов о специфике их проявления под влиянием происходящих в мире и стране изменений.

Одновременно в журнале возросло внимание к проблемам политической социологии за рубежом. В статьях *Н.П. Попова* «Динамика политических взглядов американцев» (1980. № 4), *Г.А. Сатарова* и *СВ. Станкевича* «Голосование в Конгрессе США: опыт многомерного анализа» (1983. № 1) показывались как методы, так и результаты анализа различных явлений политической жизни, их неоднозначность и противоречивость. Весьма характерным обстоятельством, например, в статье Г. Сатарова и С. Станкевича был тот факт, что разработанная ими методика исследования политических сил в институтах власти была применена к анализу процедуры принятия политических решений в Конгрессе США, ибо в СССР она не могла быть использована в силу объективных и субъективных причин.

Эти и подобные публикации поставили под сомнение наработанный в советской социологии понятийный аппарат и его социологическую интерпретацию в отношении терминов «политическое поведение», «активность», «политическая деятельность» и других ключевых категорий, без которых было невозможно создание специальной социологической теории в области политических отношений.

Попытку обобщить накопленный уровень эмпирической информации в рамках одного направления в социологической науке и разобраться в концептуальном аппарате предпринял *Ю.Е. Волков* в своей статье «Социология политики как отрасль социологической науки» (1982. № 2). Впервые в советской социологии он высказал предложение по созданию социологической концепции политических отношений, которая, по его мнению, «охватывает систему особого вида общественных отношений и социальных институтов (в процессе их реального функционирования), проявления общественной деятельности, активности масс и политического сознания людей» (с. 44).

Сопоставив взгляды на предмет и структуру социологии, широко обсуждавшиеся в то время, Ю.Е. Волков пришел к выводу, что в этой сфере «задачу социологии мы видим в конкретном рассмотрении содержания политики и политической деятельности различных социальных групп определенного общества, в исследовании характера их политических интересов и соответствующих политических отношений, содержания деятельности политических институтов, в изучении политических движений, политического поведения и сознания масс» (с. 45).

На наш взгляд, данная статья стала этапом в развитии идей политологии вообще и политической социологии, в частности. В рамках этой концепции разрозненные иссле-

дования политических процессов обрели некую системность, субординацию, взаимосвязь, целостность. К сожалению, этого сразу не получилось, потребовалось время для возвращения к этой идее, что было сделано только на исходе 80-х.

Исследования политической жизни в середине 80-х годов приобрели очень специфическую направленность, когда со словом «политика» связывали процессы, которые далеко выходили за пределы властных отношений. В научной литературе и периодической печати широко употреблялись выражения: «экономическая политика», «научно-техническая политика», «внешняя политика», не говоря о выражениях типа «экологическая политика», «аграрная политика» и даже «градостроительная политика». Практически такая трактовка охватила представления о любых целенаправленных действиях в области культуры, демографии, религии и т.д. и т.п. Особенно «повезло» в этом смысле социальной политике. Именно 80-е годы породили огромный поток литературы по этой теме, способствовали появлению монографических работ, диссертационных исследований, многочисленных публикаций в научных журналах и периодических изданиях. Я назову лишь наиболее известных ученых, выступивших по этой проблеме: *Е.А. Ануфриев, Ю.Е. Волков, А.Г. Здравомыслов, В.Н. Иванов, В.З. Роговин, К.И. Миккульский, С.С. Шаталин и др.* [9].

Как показала жизнь, публикации по социальной политике — далеко не синоним социологии политики.

Однако, несмотря на этот «скос» в исследованиях 70—80-х годов, собственно политические проблемы все же получили разработку — через анализ политической культуры как всего общества, так и отдельных социальных групп. В исследованиях *Н.М. Кейзерова* (1981. № 4), *Н.М. Блинова, Ю.П. Ожегова, Ф.И. Шереги* (1984. № 1), *Э.Н. Ожиганова* (1982. № 2), *М.М. Пантелеева* (1985. № 2) активно разрабатывались проблемы сочетания культуры и политики. Своего рода «модой» стало применение социокультурного подхода к рассмотрению политики, что даже позволило говорить о буме интереса к политической культуре. Важным моментом этих исследований стал анализ политического сознания как исходной точки отсчета в определении сущности политической деятельности.

Вместе с тем, многие вопросы политической жизни оставались научной целиной, не затрагивались вообще. Так, в печати фигурировали данные о том, как относятся граждане западных стран к политическим деятелям. Что же касалось мнений советских людей о политических лидерах нашего общества, то опросы на эту тему не проводились вообще. Невозможность социологического анализа механизма политической жизни вкупе с другими причинами не только обедняла представление о природе и структуре власти, но и отрицательно сказывалась на реальной практике: политическая система была малоуправляемой, политики и население все больше говорили на разных языках, ибо их заботили разные проблемы. Осуществление политики оказалось монополизированным ограниченным кругом лиц, принимающих решения.

Исследование таких сфер, как политическое сознание, политическое поведение, политическая культура, нередко носили апологетический характер, не выходили за пределы иллюстрации «политического единства советского народа», «господства социалистической идеологии», «возрастающей роли партии» и других подобных установок (1985. № № 2, 3; 1987. № 2).

Последнее обстоятельство в сочетании с официальным принципом партийности социологии породило расхождение между ним и научной объективностью. Понятия классового подхода, теоретической и методологической строгости в исследовании были отождествлены с прямой зависимостью социологов от власти, от административно-бюрократической системы и идеологических табу.

Начиная с середины 80-х годов, когда страна вступила на путь перемен, вызванных объективной логикой общественного развития, социология стала стремительно расширять поле изысканий в своем желании осветить неотложные проблемы современности. И одной из таких сфер, где социология открывала для себя неприкасаемые ранее ниши, стали реальные и зримые политические противоречия. Именно поворот к жизненным, злободневным реалиям способствовал изменению вектора исследований социологов в сфере политики.

Прежде всего, следует отметить возрождение на принципиально новом уровне исследований общественного мнения, которые все более поворачивались в сторону оценки деятельности властных структур, правовых органов, роли и назначения общественных организаций: наглядным показателем этого нового уровня стало создание Всесоюзного Центра по изучению общественного мнения во главе с академиком Т.И. Заславской. Затем последовала организация аналогичных центров (групп, лабораторий) во многих министерствах и ведомствах, в различных регионах, при многих властных структурах. В них наряду с научными поисками активно развивалась и прикладная сторона проблемы. Центры по изучению общественного мнения стремились ответить на вопросы: какой политический курс получает поддержка большинства населения? Какие оперативные корректировки требуются в политике для обеспечения социальной стабильности в обществе? Что следует предпринять с целью завоевания доверия людей? Услугами этих центров стали пользоваться многие специальные учреждения и общественные организации. На основе полученных результатов определялись вероятные пути развертывания тех или иных политических процессов.

Ответом на эти вопросы стали статьи: *Б.А. Грушин* — «Общественное мнение в системе управления» (1988. № 2); *И.М. Ильинский* — «Наш молодой современник» (1987. № 2); *С.Л. Эфиров* — «"Белые пятна": воображаемый диалог о пределах гласности» (1988. № 6).

Огромный пласт новых, незнакомых ранее проблем открылся в связи с исследованием электорального поведения избирателей. Получило распространение изучение хода предвыборных баталий, предпочтений избирателей, отношения к конкретным кандидатам. Хотя социологическую информацию о предвыборной борьбе использовали тогда немногие кандидаты в депутаты, но те, кто на них опирался с учетом знания поведения массового избирателя, имели конкретную возможность убедиться в силе и значении этого знания. Проблемы выборных кампаний нашли отражение в статьях *В.Г. Бритвина* (1989. № 6), *В.С. Комаровского* (1990. № 1), *О.Н. Губарева*, *В.Н. Зыбуева*, *А.Н. Саунина* (1990. № 4). и др. Но пионерным исследованием — поисковым, глубоким и проблемным — стала статья *А.М. Демидова* «Секреты избирателей» (1989. № 5), в которой на опыте Севастопольского района Москвы проанализировано социологическое сопровождение избирательной кампании по выборам депутатов в Верховный Совет СССР. Автор — организатор этого исследования — выдержал испытание с честью: жизнь подтвердила многие его выводы и рекомендации.

Новые горизонты возникли и при изучении политических аспектов национальных отношений. Уже не только экономика, религия, культура, обычаи и традиции, но и сами, собственно, властные проблемы становятся объектами исследования. Появление национальных политических элит, новых политически окрашенных общественных движений потребовало еще одного поворота в действиях социологов, занимающихся этим вопросом, — и на это они также попытались ответить, исходя из реальной ситуации. Такой подход к анализу национальных отношений применен впервые в статье *Ю.А. Гинтера* и *М.Х. Титмы* «Сравнительный анализ социального развития союзных республик» (1987. № 6). В дальнейшем эти аспекты темы развивались в статьях *А.А. Сусоколова* «Этносы перед выбором» (1988. № 6), *В.М. Мукомеля*

«Время ответственных решений» (1989. № 1), *В.Б. Кольцова* «Социальная дистанция в межнациональном общении: опыт построения интегрального показателя» (1989. № 2), *Э.А. Паина* «Возвращение» (о репатриации депортированных народов) (1990. № 12). Резкой по характеристике нарастания национальной напряженности и центробежных тенденций в СССР стала статья *А.В. Кирха* «Карта политических сил в Эстонии» (1990. № 12), в которой приводились убедительные данные о конце советской эпохи в союзной республике более чем за год до краха СССР.

Реальная жизнь все чаще врывается в исследовательскую практику социологов и нередко с проблемами, которые было трудно представить еще несколько лет назад. Среди них следует особо отметить попытки осмыслить такие реалии, как забастовки, трудовые конфликты и другие формы противостояния работников производства властным (экономическим, а затем политическим) структурам. Первым таким откликом стал «круглый стол», организованный *А.И. Кравченко* (1989. № 1), где был дан квалифицированный анализ экономических и политических требований, прозвучавших в забастовках на ряде промышленных предприятий страны. Этому явлению уделили особо пристальное внимание *Л.А. Гордон*, *Э.В. Клопов* и возглавляемый ими коллектив, который принял участие на всех этапах развития шахтерского движения (Кузбасс, Донбасс, Воркута). В дальнейшем в статьях *В.Г. Бритвина*, *Г.В. Кубась*, *Л.Л. Мальцевой*, *О.Н. Пуляевой* (1990. № 6) был осуществлен уже конкретный и обстоятельный анализ новой социальной и политической реальности, опирающийся на данные социологических исследований.

Не меньший интерес социологов вызвал процесс становления гласности — от первых его этапов, когда обсуждался вопрос о возможности плюрализма мнений (см. статью *В.П. Лобзякова* в № 2 за 1987 г., «круглый стол» о «социалистическом плюрализме» в № 5 за 1988 г.), до формирования организационных основ этого плюрализма — возникновения новых общественных и политических организаций. В статье *И.Ю. Сундиева* «Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции» (1987. № 5) впервые был дан анализ генезиса молодежных инициатив, начиная с конца 50-х — начала 60-х годов, в которых зрела степень социальной устремленности юношей и девушек — от песенного творчества и пристрастия к музыке до экологического движения и исторического самосознания, выросших затем в самостоятельную политическую силу. Становлению этого движения — прообраза политических партий — посвящены статьи *В.С. Овчинского* (1989. № 2), *В.Н. Березовского* и *Н.И. Кротова* (1989. № 3), где анализ коснулся и деятельности правозащитных групп. К этой теме журнал возвращался неоднократно в статьях *Е.А. Здравомысловой* (1990. № 7), *Н.В. Кофырина* (1991. № 1).

Расширению горизонта новых поисков социологов способствовали публикации по проблемам бюрократизма (редакционная статья. 1987. № 3; *В.Л. Беленький*. Настольные игры бюрократов. 1990. № 1), а также по таким запретным ранее темам, как новые неуставные отношения в армии (*Ю.В. Чижов*. 1988) или проблемы альтернативной службы (*В.С. Новиков* и *М.А. Тимошов*. 1990. № 8). С 1989 г. в практику социологических опросов вошло измерение рейтинга популярности политических и общественных деятелей, всех без исключения политических институтов страны (№ 1 за 1988 г., № 5 за 1989 г., № 4 за 1990 г. и т.д.).

Все накопленное в теории и на практике поставило перед социологией необходимость более четко определиться с совокупностью новых или по-новому рассматриваемых проблем в рамках одного из направлений науки. В этом повороте был еще один знаменательный аспект: отечественная социология начала говорить языком, адекватным терминологии мировой социологии, отказавшись от надуманных проблем и непродуманных экспериментов.

Таким образом, к началу 90-х годов политическая социология приобрела четкий профиль, который сделал ее самостоятельным направлением в социологической науке [10]. Ее появление стало возможным потому, что в новых условиях главным объектом

социологии становится изучение гражданского общества и, соответственно, политическая его сфера — состояние, тенденции и направления функционирования политического сознания и политического поведения в условиях сложившихся обстоятельств, внешних условий [10, 11]. Их изучение начиналось с того, как осознаются индивидом, социальными группами и слоями, партиями и общественными организациями существующая политическая реальность, система властных отношений, политические права и свободы. Это давало основание представить гражданское общество во взаимодействии с политическими институтами, структурами. Иначе говоря, социология стала подходить к анализу политической жизни с точки зрения личности, человека как члена гражданского общества.

Реальность такова, что политика стала уделом большинства, и эта тенденция имеет устойчивый рост. Понимание и реализация политических прав и свобод создали основу для участия всех без исключения людей в совершенствовании политических отношений. Как бы ни была значительна роль руководителя любого ранга и любого звена, поведение людей в сфере политики в конечном счете всегда остается решающим.

Если говорить о том, что объединяет политическую социологию с политологией (политическими науками), то общим объектом их исследований выступает политическая жизнь во всех многообразных проявлениях, начиная с выявления сущности власти, ее природы и завершая конкретными формами ее существования и институционального воплощения. Однако, если политические науки исследуют властные отношения как бы «сверху», с позиций государственных и партийных программ, заявлений, деклараций политических деятелей о текущих и перспективных процессах, деятельности различных политических институтов, то социология, учитывая вышеперечисленное, подходит к этим процессам как бы «снизу», со стороны человека, социальных групп и слоев, которые «имеют привычку» высказывать суждения, оценивать ситуации, свое положение и перспективы не так, как это делают официальные или полуофициальные структуры, и даже более того, часто вопреки их установкам и пропаганде. Этот подход к политике — через человека, социальные группы, их сознание и поведение — придает политической социологии качественную определенность: что бы ни говорили о себе различные структуры власти, как бы они ни демонстрировали величие или преимущества своих программ и действий, есть один важный момент, который может или подтвердить или перечеркнуть все эти попытки — насколько глубоко, серьезно, основательно воспринимают люди политические процессы, как они «переваривают» их, насколько намерены содействовать или сопротивляться им.

Именно при таком подходе можно видеть противоречивость различных структур политической жизни. Если политические притязания класса, социальных групп учитывают объективный ход исторического процесса, то политические отношения в рамках данной общественно-экономической системы развиваются без общественных потрясений. И чем меньше согласуются политические интересы с объективными закономерностями общественного развития, тем больше вероятность коллизий и политических конфликтов и конфронтаций (вплоть до революции как способа их разрешения).

Итак, к началу 90-х годов критический анализ проделанной социологами работы по отдельным явлениям и процессам политической жизни, рост эмпирических исследований, расширение кругозора и фронта изучения политики помогли окончательно конституироваться политической социологии, сосредоточившей в настоящее время внимание на политическом сознании и политическом поведении людей, их влиянии на деятельность государственных и общественных институтов и организаций, а также на механизмах их воздействия на процессы функционирования власти, обусловленных объективными внешними обстоятельствами материальной жизни общества.

С конца 80-х — начала 90-х годов в развитии политической социологии стал формироваться новый проблемный подход, когда внимание исследователей сосредоточивалось уже не на концепциях, теоретических схемах, а на тех непростых ситуациях и остросюжетных явлениях, которые требовали ответа, оценки и практических рекомендаций. Иначе говоря, сформировав исходную концепцию политической социологии (пусть еще не в полной мере совершенную), ученые обратились к решению вопросов, от которых прежде всего зависела судьба страны.

К чести социологов и их журнала они одними из первых не стали замалчивать тот негатив в жизни страны и на ее политических флангах, который стал себя так отчетливо проявлять в конце 80-х. Именно в письмах читателей на страницах журнала (1990) появились убедительные суждения и выводы о том, что «перестройка провалилась».

Это сопровождалось серией статей, в которых был поднят вопрос о том, что политика Горбачева и его ближайшего окружения потерпела фиаско. Еще до августовских событий 1991 г. социологи выступили с анализом, свидетельствовавшим об ощущении грядущей беды, нарастающих конфликтах. В статьях *Т.И. Заславской* «Социализм, перестройка и общественное мнение» (1991. № 8), *Ю.И. Неймера* и *Т.А. Слюсаревой* «Действующие лица пьесы под названием "перестройка"» (1991. № 3), *В.С. Комаровского* и *А.И. Демидова* (1991. № № 6, 8) убедительно и отчетливо характеризовался трагизм в положении советского общества.

К волнующим общество вопросам следует отнести и межнациональные конфликты, этническую напряженность, которые затронули практически все без исключения народы нашей страны. Язвы и пороки в этой области стали настолько очевидны и нетерпимы, что пришлось их вскрывать и предавать гласности. Публикации социологов передавали ту атмосферу назревающей опасности, когда под флагом суверенитета навязывались идеи, которые не могли научить ничему иному, кроме как разжиганию национальной вражды, росту недоверия, взаимной подозрительности со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В статьях *И.С. Ахматова* и его коллег о проблемах становления суверенитета в Башкирии (1991. № 9) уже констатировалось положение, которое серьезно подрывало межнациональное доверие, сложившееся в республике, и могло стать источником беды. И в том, что к сегодняшнему дню Башкирия избежала крайностей, немалая заслуга ее социологов, чьи рекомендации стали на деле и уже сравнительно давно использоваться руководителями Башкирской Республики.

В статьях *В.Н. Иванова* (1992. № 4) и *В.А. Михайлова* (1993. № 5) анализировались уже не просто национальные отношения, а межнациональные конфликты, т.е. те болевые точки, которые свидетельствовали о неблагополучии в стране, об отсутствии концепции национальной политики. Межнациональные противоречия в самой России, их генезис и развитие, а также учет их в деятельности политических организаций и объединений стали предметом обсуждения «круглого стола» редакции (1992. № 11). Лейтмотивом этого обсуждения стал вывод, что углубление межнациональных противоречий невозможно приостановить существующими и применяемыми в настоящее время средствами. Требовались совершенно новые приемы, в том числе и методы народной дипломатии. Попытки найти реальные средства отражены в статье *М.В. Дьячкова* (1993. № 11) при анализе трех вариантов решения национального устройства — национально-государственного, национально-территориального и национально-культурного. Идея асимметрии национального строительства, на наш взгляд, становится все более привлекательной, хотя и не бесспорной.

К этой совокупности вопросов близко примыкает и острая социальная болью отзывается проблема вынужденных мигрантов и беженцев. Статьи *А.А. Сусоколова* о переселенцах (1991. № 10), *Ж.Т. Тощенко* о русских беженцах (1992. № 9), *Г.Ф. Мо-*

розовой о современных миграционных явлениях (1992. № 3) и о влиянии миграции на формирование рынка труда (1993. № 5) — помимо некоторых экономических и социальных аспектов — имели четко выраженную политическую значимость: насколько в этом процессе находят отражение история и статус России как империи, есть ли основание говорить об имперском сознании русского народа, какое политическое поведение присуще ему и т.п. Вариантов ответа на этот вопрос было предложено много, и, может быть, самый яркий из них звучал примерно так: а могут ли носители (?) имперского сознания (русский народ) жить в течение десятилетий хуже тех, кто выступает страдальцем от этого сознания?

В попытках найти большую или меньшую аргументацию на поставленный вопрос социологи обратились к уяснению состояния и тенденций развития реального политического сознания, выявили наиболее действенные факторы его развития. В этом плане статья *М.М. Назарова* «Об особенностях политического сознания в постперестроечный период» (1993. № 8) основана на осмыслении новых характеристик политической деятельности и попытке классифицировать и выделить типы поведения, продиктованные приверженностью либерализму, эгалитаризму, прагматизму, государственному социализму, эклектизму.

В русле осмысления реальностей политического бытия осуществлялся анализ традиционных проблем, получивших новое звучание. В этом смысле представляют интерес статьи *Л.А. Гордона* «Рабочее движение в постсоциалистической перспективе» (1991. № 11) и *И.В. Габидулина* «Рабочий класс и мифы уходящего времени» (1991. № 11). Такая концентрация внимания на популярной ранее теме вызвана потребностью заново рассмотреть серьезно изменившееся положение класса, его функций, места и роли в системе общественного воспроизводства.

Но время вносило свои поправки. Уже на грани 1992 и в 1993 гг. стало очевидным, что социологам необходимо участвовать и в решении более глобальной и более неотложной проблемы — судьбы российской демократии.

Людей в условиях политической неустойчивости все больше стал заботить выход из создавшейся ситуации — экономического и социального хаоса, парадоксальной и несостоявшейся многопартийности, и понимание того, что демократия сама по себе еще не гарантирует успешного решения общественных проблем. Более того, демократия оказалась незастрахованной от серьезных ошибок, от пороков экономического популизма, от социальных просчетов, которые привели к спаду производства, росту обнищания, потере доверия к власти имущим. Подборка статей (в № 6 за 1993 г.) *Э.В. Клопова*, *В.Н. Кабалиной*, *Г.А. Монусовой* посвящена анализу современного российского демократического движения, его силе и слабости, его организации и ожидаемым перспективам.

Тревога за будущее России, за ее политическое устройство проявилась в статьях, посвященных авторитаризму и тоталитаризму. Статьи *И.В. Дементьева* «Феномен политического терроризма: концептуальный аспект» (1991. № 1), *А.Я. Лазарева* «Терроризм как тип политического поведения» (1993. № 8), «круглые столы» по этому вопросу выявили вполне зримо осязаемую опасность поворота России к тоталитарным формам правления, что не замедлило проявиться в реальной политической жизни России осенью 1993 г. (и в событиях 3—5 октября, и в принятии Конституции России, наделившей исключительно широкими полномочиями Президента, и в феномене Жириновского на выборах 12 декабря). Поэтому вполне резонно появился вывод *В.О. Рукавишниковой* об опасности политического (!) — уже не социального и не этнического, а именно политического — конфликта со всеми вытекающими отсюда последствиями (1993. № 9).

В этот период политическая социология получила прекрасный шанс сверить свои анализы и прогнозы с реальной жизнью. Социологи с азартом и страстью включились в это испытание. В марте 1991 г. был проведен референдум о будущем Союза ССР, а в июле 1991 г. — выборы Президента России, и все эти события имели солидное

социологическое сопровождение. Насколько социологи прошли испытания, показывают статьи *В.Л. Мичурина* и *О.Л. Ягодиной* «Социологические прогнозы и реальность» (1992. № 1), *А.М. Демидова* «Общественное мнение на пути институционализации» (1992. № 2), *В.С. Комаровского* «Политический выбор избирателя» (1992. № 3). С одной стороны, при всех ошибках и недостатках эти исследования показали возможности социологов делать научно обоснованные анализы и прогнозы. С другой стороны, эти же исследования выявили политическую ангажированность ряда социологических служб, в которых опросы населения стали приобретать оттенок, далекий от науки. На страницах журнала прозвучали прямые и косвенные обвинения в том, что на опросах ряд социологов «делают большую коммерцию и большую политику» (*А.И. Кравченко*. 1992. № 3. С. 42), что опросы общественного мнения становятся «разновидностью рэкета» (*С.В. Туманов, А.Т. Гаспаршвили*. 1993. № 6), что «использование социологических данных стало своеобразной "козырной картой" в политических передачах по радио и особенно на телевидении» (*М.Н. Рушкевич*. 1993. № 7. С. 3).

Такая критическая оценка являлась вполне справедливой прежде всего потому, что у массового читателя социология стала отождествляться с опросами общественного мнения. Это усугублялось тем, что многие, наблюдая реальности противоречивой политической жизни, стали сомневаться в добросовестности и научной состоятельности исследователей общественного мнения — слишком часто многие из них поддавались магии вкусов и предпочтений, в результате чего результаты опросов становились орудием манипулирования общественным сознанием и поведением людей. И, наконец, мощный удар по престижу социологии наносили «любители» из социологических коммерческих структур, которых, как правило, интересовала не истина, а желание угодить заказчику и побольше заработать денег, спекулируя на интересе людей к данным опросов.

Спектр интересов политической социологии в этот период постоянно расширялся и включал все больше частных, особых, но, тем не менее, значимых проблем. Сюда можно отнести и казачье движение (1991. № 12; 1992. № № 6, 9), и отношение к евреям (1992. № 12), и отношения в армии и к армии (1988. № 4; 1990. № 8; 1991. № 2; 1992. № 1). Более того, учитывая актуальность этой проблемы, заключительный номер за 1993 г. полностью посвящен военной социологии.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что политическая социология конца 80-х — начала 90-х годов подняла столь много новых тем и проблем, которые не стояли ни перед одной отраслью социологической науки. В целом это был успешный этап в ее становлении и развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриев А.В.* Политическая социология США. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971; *Кейзеров Н.М.* Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М.: Юрид. лит., 1973; *Федосеев В. А.* Политика как объект социологического исследования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.

2. *Волков Ю.Е.* Так рождается коммунистическое самоуправление. М.: Мысль, 1965; Общественно-политическая активность трудящихся. Ч. 1. 1970. Ч. 2. 1972.

3. Роль общественности в управлении производством (опыт конкретно-социологического исследования) / Под ред. Ю.Ф. Бухалова, Е.А. Якубы. Харьков, 1968.

4. *Белов Г.А.* Политические отношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во МГУ, 1970; *Белых А.Х.* Политическая организации общества и социальное управление. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967; *Бурлацкий Ф.М.* Ленин, государство, политика. М.: Наука, 1970; *Галкин А.Л.* Социология неофашизма. М.: Наука, 1971; *Чехарин Е.М.* Советская политическая система в условиях развитого социализма. М.: Мысль, 1975.

5. Наиболее интересными среди них были публикации *В.Х. Беленького*, *Л.А. Дмитрук*, *А.С. Капто*, *В.А. Смирнова*, *С.Ф. Фролова* и др.

6. *Волков Ю.Е.* Социально-политическая активность масс в развитом социалистическом обществе // Социол. исслед. 1974. № 2; *Иванов В.Н.* К вопросу о системе показателей общественно-политической активности масс // Социол. исслед. 1978. № 3.

7. См.: *Архипов Б.С.* Социологические исследования в работе областного комитета партии // Социол. исслед. 1974. № 1; *Шеварднадзе Э.А.* Эффективнее использовать социологические исследования в практике партийной работы // Социол. исслед. 1978. № 1.
8. *Афанасьев В.Т.* Социальная информация и управление обществом. М., 1980; *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Проблемы развития социологии права в СССР. М.: ИСИ АН СССР, 1974; *Керимов Д.А.* Философские основы политико-правовых исследований. М., 1979.
9. Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма. М.: Политиздат, 1979; *Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С.* Социальная политика КПСС. М.: Политиздат, 1987 и др.
10. *Тощенко Ж.Т., Бойков В.Э.* Политическая социология: состояние, проблемы, перспективы // Социол. исслед. 1990. № 9.
11. *Руткевич М.Н.* О предмете социологической науки: три методологических вопроса // Социол. исслед. 1991. № 7.